УДК 930.1

Л.П.Грот

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И ВОССТАНОВЛЕНИЕ НАЧАЛ РУССКОЙ ИСТОРИИ

Рассматривается роль национальной истории в становлении национальной идентичности и национальной идеи. На основе примеров из западноевропейской истории показано, как начиная с эпохи Возрождения, западноевропейскими политиками и церковными деятелями использовалась позитивное изображение исторического прошлого для консолидации общества. Автором отстаивается мысль о том, что у русской истории оказались отрезаны и преданы забвению тысячелетия начального периода. И насущной задачей сегодняшнего дня является возврат этой части русской истории российскому обществу.

Ключевые слова: норманизм, шведский политический миф, концепция национальной истории, эпоха Возрождения, античная культура, национальная идея, консолидирующая идеология

Русская история и соответственно, история русской культуры и искусства имеют более древние корни, чем это принято считать. Но начиная с XVIII в., наиважнейшие проблемы российской истории оказались под прессом утопической историософии, сложившейся в западноевропейской исторической мысли в XVI—XVIII вв.Часть из них была привнесена в российскую историческую науку норманизмом Руси [1].

Продолжительная исследовательская работа в Швеции позволила мне ознакомиться с оригинальными произведениями скандинавских авторов XVI—XVIII вв. и малоизвестными советскому и российскому обществу историческими источниками. Изучение этих материалов выявило, в частности, тот факт, что норманистская система взглядов, сторонники которой отстаивают скандинавское происхождение летописных варягов, видят в князе Рюрике вождя скандинавских отрядов и уверены в древнескандинавском происхождении имени Руси, а также идея о носителях финно-угорских языков как первых насельниках севера и центра Восточной Европы рождены не наукой, а политикой шведской короны в период XVI—XVIII вв., преследовавшей свои геополитические цели в русских землях. Этой же политикой была рождена и идея о том, что русская история должна начинаться с V—VI вв. [2].

К глубокому сожалению, приходится констатировать, что названные идеи, подхваченные в XIX в. представителями российской либеральной и левой мысли, до сих пор составляют в нашей стране базис научной и образовательной концепции истории России, искажая всю историческую ретроспективу. Ибо вышеназванный хронологический барьер, установленный для русской истории шведским политическим мифом, отрезает от неё тысячелетия.

Иными словами говоря, с XIX в. мы стали изучать русскую историю с оборванным началом и тем самым лишённой собственных корней. И это привело к тому, что в современной российской науке до сих пор отсутствует концепция национальной истории как единая система от ее истоков до наших дней. А отсюда идет и та теоретическая неразбериха в оценках наиболее важных исторических периодов российской истории.

Занимаясь проблемой историко-пропагандистского влияния западно-
европейских исторических утопий и политических мифов на российскую
историческую и общественно-политическую мысль, я выявила, какую роль в становлении западноевропейских национальных государств сыграла разработка концепции национальной истории от её истоков. Эта концепция получила у меня название «концепция светлого прошлого», где во главу угла ставилось возвеличивание исторического прошлого своего народа, начиная с древних времен.

Стремление изображать прошлое своей страны и народа в сугубо позитивном ракурсе с целью создания здоровой историософии и искренней веры, необходимых для морального здоровья нации, уходит своими истоками к началу эпохи, которая получила название эпохи Возрождения. Общеизвестны её характеристики, сформировавшиеся в течение XVIII—XIX вв. и получившие распространение в мировой общественной мысли, в том числе благодаря и работам Ф.Энгельса и К.Маркса как «...величайший прогрессивный переворот из всех пережитых до этого времени человечеством». В числе характеристик эпохи Возрождения принято называть появление таких новых тенденций в развитии западноевропейского общества как усиленное развитие товарно-денежных отношений, появление ранней буржуазии и соответствующее этим социально-экономическим переменам изменение общественного сознания. Лейтмотивом Возрождения называется гуманизм, под которым понимается интеллектуальное движение, направленное на «признание самодовлеющей значимости, неувядаемого достоинства человека, всего богатства творческих проявлений индивида в качестве высшего жизненного блага».

Под покровом этих обобщающих описаний почти скрылись конкретные действия конкретных людей, которые привели в действие процесс, вызвавший вышеозначенный «переворот». И поиски этой конкретики приводят к некоторым корректировкам в общем мажорном ладе, доминирующем в создании образа эпохи Возрождения.

Так, мы сразу сталкиваемся с тем, что первая страна Возрождения Италия в XIV—XV вв. представляла собой жалкую картину политического разлада и общественной деморализации, хотя и при интенсивном экономическом и культурном развитии. Магистральные торговые пути шли через Византию и итальянские города, которые пользовались преимуществами от торговли с Востоком и с Причерноморьем: золото стекалось сюда со всех концов известного в то время мира.

А в обществе царило полное отсутствие национального духа. Политическая жизнь раздиралась непрекращавшейся враждой отдельных партий. Казни, убийства, пытки, заговоры являлись нормой. Коррумпированность пронизывала все сферы: все покупалось и продавалось от места мелкого писца до кардинальской шапки и папской тиары. Никогда так низко не падал авторитет папской власти, как в пятнадцатом веке. Не лучше были и светские власти — размеры их жестокости известны из многих примеров. А при деморализованных правителях трудно было остаться нравственным обществу. Язва низких нравов точила Италию [3].

Большинство итальянских правителей не понимало пагубности ситуации, они бессознательно развращали народ и сами подрывали уважение к власти, подкапывая фундамент созданного ими же здания.

Но были политики и церковные деятели, которые испытывали беспокойство за судьбы своего народа и страны. Это беспокойство разделялось и представителями интеллектуальных кругов Италии. Два великих итальянца — прославленные писатели и мыслители Ф.Петрарка (1304—1374) и Дж.Бокаччо (1313—1375), которых называют первыми гуманистами, поняли, что итальянскому обществу не хватало *объединяющей идеи*, причем объединяющей светской идеи, которая могла бы дать людям понимание общей цели, сплотить их вокруг высоких идеалов и сделать из них жизнедеятельную нацию, способную защитить себя, если придёт такое время, а не погибнуть как скот вокруг опустевшей кормушки. Эти великие итальянцы были первыми, кто обратился к изучению античности и стремился в наследии античных авторов найти идеалы, нужные для их современников [4].

Такое обращение понятно, поскольку выбор объединяющих идей был невелик. Идея *«светлого будущего»* в образах райского блаженства была прерогативой церкви. Поэтому незанятой оставалась только идея *«светлого прошлого»*, которая в концентрированном виде зазвучала так: у итальянцев было великое прошлое — античность, но значит есть и великое настоящее, ради чего стоит жить и творить для того, чтобы открыть дорогу к великому будущему.

Рассматривая феномен гуманизма с этой стороны, мы увидим, что повышенный интерес к античной культуре у итальянских гуманистов был ничем иным, как интересом к историческому прошлому своего народа. И именно его стремился возродить Петрарка в таких сочинениях как «О славных мужах» (жизнеописание великих политических деятелей от Ромула до Цезаря, а также их исторических соперников) или Боккаччо в его монументальном трактате по древнеримской мифологии «Генеалогия богов». Смысл? Логичным может быть только одно объяснение: использовать героику исторического прошлого как светоч для объединения соотечественников в обстановке деморализации общества. Это много позднее античность станет рассматриваться как общеевропейское достояние, а для Петрарки и Боккаччо древнеримская античность была историческим прошлым итальянцев.

При этом важно отметить следующий факт. Безусловно, генераторами новых идей в Италии выступили представители творческих интеллектуальных кругов, но утверждение и распространение их в итальянском обществе (а позднее, и в других западноевропейских странах) происходило при активном участии и содействии итальянской политической верхушки, как светской, так и церковной. В этом смысле, сложившийся в науке классический образ ренессансного гуманиста, как «свободного художника», на досуге предающегося вольному обмену мыслей на высокие темы с подобными себе любителями уютной беседы и знатоками древностей, избегающих тянуть лямку службы, расходится с биографией многих реальных исторических личностей, послуживших формированию и распространению идей ренессансного гуманизма.

Решающую роль в проведении идей гуманизма в жизнь сыграли именно политические и церковные деятели. Одним из первых, кто облёк эти идеи в форму политических сочинений, был Колюччо Салютати (1331—1406), принадлежавший к когорте ведущих политиков и государственных деятелей Италии, поклонник Петрарки и друг Боккаччо. В 1375—1405 гг. он был канцлером Флорентийской республики, т.е. главой её государственного органа управления и держал в своих руках нити внутренней и внешней политики. Естественно, он располагал реальными возможностями создавать условия для организованного внедрения в обществе воззрений, которые должны были оказать благотворное влияние на сограждан. Его собственный дом стал своеобразной школой для молодёжи, из числа которых вышли многие крупные политические деятели.

В трактатах и письмах Салютати красной нитью проходила мысль о том, что человек *должен служить на благо своего общества и государства* и что именно это и возвышает человека. Только представляя себе конкретную обстановку неукротимой страсти к стяжательству в итальянских городах того времени, можно понять этот призыв: для спасения разлагающегося общества необходимо было встряхнуть человека, показать, что он — существо с великим внутренним духовным потенциалом.Таким образом, Салютати чутьём политика прозрел социально-оздоровительное содержание в поэтико-философских произведениях Петрарки и Боккаччо, в их стремлениях воссоздать великие картины исторического прошлого. А поняв, стал использовать в гражданственно-воспитательных целях для приостановки деморализации флорентийского общества [5].

Принципы, введенные в жизнь Салютати, получили дальнейшее развитие в деятельности его последователей, таких как государственный и церковный деятель следующего поколения Леонардо Бруни (1370—1441) или как его современник Флавио Бьондо (1392—1463), также занимавший должности в ведомствах папской курии.

Таким образом, как раз с именами итальянских государственных и церковных деятелей связано развитие и введение новой системы гуманистического образования studia humanitatis (от неё и идет понятие гуманизм эпохи Возрождения) или системы гуманитарного образования, где ядром образованности было сделано изучение родной литературы и родной истории, что и должно было стать основой воспитания итальянского общества. Например, согласно Бруни, освоение античной философии молодыми итальянцами должно было сочетаться с изучением творчества великих итальянцев Данте, Петрарки, Боккаччо, Салютати — только такое комплексное гуманитарное образование могло, по его мнению, подготовить подрастающие поколения для служения обществу [6]. Мысль, заслуживающая самого пристального внимания.

А теперь хотелось бы обратить внимание на такой момент. Чем была, в сущности, античная культура, к возрождению которой обратились итальянские государственные и церковные деятели XIV—XV вв. для создания консолидирующих общество новых информационных технологий? Античная культура была воплощением дохристианской, т.е. языческой традиции. Чем руководствовались государственные и церковные деятели, отдавая официальную поддержку языческому культурному наследию Италии? По моему убеждению, они руководствовались мыслью о том, что обществу, помимо религиозного воспитания, необходимо привить чувство национального, для чего было важно показать непрерывность традиции национальной истории от её истоков, т.е. от античности и до грядущих времен. С этой целью и началась та целенаправленная работа итальянских политиков и деятелей церкви по выработке национальной светской идеологии, с помощью которой вкупе с идеологией сакральной — христианством — они стремились создать здоровую духовную культуру для жизнедеятельности своего общества. Знание родной истории от древнейших истоков осознавалось как непременный элемент национальной светской идеологии.

Аналогичные тенденции использовать в качестве консолидирующей идеологии великое историческое прошлое своего народа проявились и в североевропейских странах. Хотя там эти тенденции породили феномен выдуманной великой древности, поскольку реального исторического материала не хватало. Но и там в этой работе принимали активное участие деятели церкви. Например, основоположником нового, так называемого, «готического» периода шведской истории выступил крупный церковный деятель Швеции, архиепископ Упсальский Иоанн Магнус (1488—1544). Он прославил себя и шведскую историю написанием феерических исторических трудов о великих готах как прямых предках шведских королей, якобы вливших свежую кровь в дряхлеющий Рим и таким образом ставших зиждителями новой европейской государственности.

С XVII в. к традиции возвеличивать собственное историческое прошлое для укрепления национального самосознания или национальной идентичности подключились англичане, а чуть позднее — французы. Таким образом, история в период становления западноевропейских национальных государств, помимо объекта научного исследования, сделалась основой для политических мифов и своего рода информационных технологий, использовавшихся западноевропейскими государствами для объединения общества вокруг национальной идеи, ядром которой становилось позитивное изображение истории своего народа, подлинной или выдуманной (для скандинавских стран, например, выдуманная великая древность сделалась предметом особой гордости) [7].

Но не то получилось в России. Если Запад в период с XVII по XVIII вв. вырос на традиции возвеличивать свою историю и очернять истории соседских стран, то в России с начала XIX в., с развитием некоторых направлений либеральных и левых идей стала складываться традиция возвеличивать историю западных соседей и очернять русскую, т.е. свою собственную историю. И в данной историографической ситуации российское общество находится до сих пор, что вносит свою негативную лепту в духовный кризис современного российского общества. Так, это предопределяет, например, невозможность определиться с национальной идеей. Ибо национальная идея — это детище национальной истории и плод национальной культуры, которые вырастают из жизненного опыта всех предшествующих поколений наших предков как синтез того, что создано их руками и мыслью.

Русская история имела свою античность, т.е. великую древность, причем не вымышленную, как в скандинавских странах, а реальную, глубина которой отразилась в русских былинах, сказаниях, исторических песнях, а также осталась в памятниках материальной культуры, таких как памятники храмового строительства. А это ведь тысячелетия русской истории, отрезанные и преданные забвению под деструктивным влиянием западноевропейских политических мифов. Вернуть эту часть русской истории российскому обществу является насущной задачей сегодняшнего дня. И по моему убеждению, эту миссию сейчас может взять на себя Русская Православная Церковь. В своем убеждении я исхожу, во-первых, из предъявленного выше опыта западноевропейских стран, а во-вторых, из собственной русской традиции, также забытой современной исторической наукой. А традиция эта заключалась в том, что в Русском государстве был принцип разделения властей на светскую и духовную, когда на государстве лежала первенствующая ответственность за осуществление власти политической, а на Русской Православной Церкви — за осуществление власти духовной. Кроме того, сейчас есть ученые, которые собственными силами начали работу по восстановлению русской истории от её древнейших истоков. Я принадлежу к их числу. И результаты

наших исследований мы с готовностью отдадим в распоряжение тех сил, которые возьмут на себя организующую роль в восстановлении русской исторической традиции.

1. Грот Л.П. Начало русской истории и шведский политический миф XVII—XVIII веков // Вестник Новг. гос. ун-та. Гуманитарные науки: 2017. № 2 (100). С. 19-23.
2. Грот Л.П. Шведский политический миф о финно-угорском субстрате в Восточной Европе и начальный период русской истории // Исторический формат. 2016. № 3. С. 115-138.
3. Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. М., 1978. С. 120-138; Шеллер А.К. (Михайлов А.). Савонарола. Его жизнь и общественная деятельность. СПб., 1893; Будда, Конфуций, Савонарола, Торквемада, Лойола. СПб., 1998. С. 152-155.
4. Петрарка Ф. Автобиографическая проза // Избранное. М., 1974. С. 13.
5. Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV в.) / Под ред. Л.М.Брагиной. М., 1985. С. 311-313.
6. Ракитская Н.Ф. Леонардо Бруни Аретино // Правоведение. 1980. № 5. С. 98-105.
7. Грот Л.П. Путь норманизма от фантазии к утопии // Варяго-русский вопрос в историографии. Серия «Изгнание норманнов из русской истории». Вып. 2. М., 2010. С. 103-202.

References

1. Grot L.P. Nachalo russkoy istorii i shvedskiy politicheskiy mif XVII—XVIII vekov // Vestnik Novg. gos. un-ta. Gumanitarnye nauki: 2017. № 2 (100). S. 19-23.
2. Grot L.P. Shvedskiy politicheskiy mif o finno-ugorskom substrate v Vostochnoy Evrope i nachal'nyy period russkoy istorii // Istoricheskiy format. 2016. № 3. S. 115-138.
3. Losev A.F. Estetika Vozrozhdeniya. M., 1978. S. 120-138; Sheller A.K. (Mikhaylov A.). Savonarola. Ego zhizn' i obshchestvennaya deyatel'nost'. SPb., 1893; Budda, Konfutsiy, Savonarola, Torkvemada, Loyola. SPb., 1998. S. 152-155.
4. Petrarka F. Avtobiograficheskaya proza // Izbrannoe. M., 1974. S. 13.
5. Sochineniya ital'yanskikh gumanistov epokhi Vozrozhdeniya (XV v.) / Pod red. L.M.Braginoy. M., 1985. S. 311-313.
6. Rakitskaya N.F. Leonardo Bruni Aretino // Pravovedenie. 1980. № 5. S. 98-105.
7. Grot L.P. Put' normanizma ot fantazii k utopii // Varyago-russkiy vopros v istoriografii. Seriya «Izgnanie normannov iz russkoy istorii». Vyp. 2. M., 2010. S. 103-202.

Grot L.P. The Orthodox church and restoration of Russ annalistic history. The article reviews the role of national history in the establishment of national identity and ideas. On the basis of examples from western European history, it may be concluded that from the Renaissance epoch, western European politicians and church doers utilised the positive image of historical past for consolidation of society. The author suggests that thousands of years of initial Russ history were cut off and consigned to oblivion. Therefore, today it is vital to return this part of Russ history to Russian society.

Keywords: Normanist theory, Swedish political myth, concept of national history, Renaissance, ancient culture, national idea, consolidating ideology.

Сведения об авторе. Л.П.Грот — кандидат исторических наук, директор образовательно-консалтингового предприятия «НОРРКОН АБ» (Лулео, Швеция); lpgroth@gmail.com.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 05.03.2018.